

СЫН АРТИЛЛЕРИСТА

Соб. СССР 1985, 1987, 1975

Встреча с прототипом героя поэмы Константина Симонова

ИВАН Алексеевич Лоскутов замолчал. Видимо, и сейчас, спустя сорок лет, тяжело вспоминать... Сколько пережито тогда... А мне трудно представить в этом седом человеке того Ленку, о котором писал в своей поэме «Сын артиллериста» Константин Симонов. И все же это он...

Держись, мой мальчик,
На свете два раза
не умирать,
Никто нас в жизни не может
Вышибить из седла...

Строки, знакомые всем. От них веет мужеством. Сколько переживаний и волнений испытали и испытывают миллионы ребячьих сердец, вживаясь в образ главного героя — Ленки Петрова.

Что же стало с героем после? Дожил ли он до Победы? Где он сейчас?

Письмами с такими вопросами мальчишки буквально засыпали Симонова.

Поэт отвечал: он не знает, что было с Ленкой дальше, но надеется, что, провоевав всю войну до конца, герой остался жив и здоров.

«По правде говоря, — пишет Симонов, — не желая огорчать ребят, я отчасти кривил душой, потому что мне самому казалось, что прототип Ленки навряд ли жив...» Не знал он этого до 1965 года...

Но расскажем по порядку. 1941 год. Холодная осенняя почва Заполярья. Позади уже последние сборы, и все готово для рейда в тыл врага. С хребта Муста-Тунтури быстро спускается туман, погружая в непроницаемый мрак «Долину смерти». Еще минут двадцать — и в путь... В блиндаже тихо. Мерцает тусклый свет фронтовой лампы-коптилки, лейтенант Лоскутов пишет письмо домой.

Биография Ивана Лоскутова по тем временам обычна для сына командира Красной Армии. Частые переезды семьи с места на место, активная комсомольская работа в школе, поступление в военное училище... В 1940 году в числе ста двадцати молодых лейтенантов, воспитанников Томского артиллерийского училища, он сразу же попал на фронт (выпуск был досрочный — продолжался военный конфликт с Финляндией). В августе того же года Лоскутов направляется в 104-й пушечный артиллерийский полк на должность командира взвода топографической разведки.

Каких только встреч не бывало на фронтовых дорогах тех лет. Командир полка майор Рыклис узнал в прибывшем лейтенанте сына своего старого друга Алексея Михайловича Лоскутова. В гражданскую они вместе бились на Южном и Туркестанском фронтах, командующий М. В. Фрунзе вместе направил их в артиллерийское училище, вместе долго служили на Урале и в Забайкалье. Но потом служба разбросала их в разные стороны.

И вот встреча Ефима Самосновича Рыкписа с Иваном Лоскутовым — сыном боевого товарища:

Девя сидел над картой
При двух чадающих свечах.
Воспел высокий военный
Косая сажень в плечах...
...«Ленка?» — «Так точно,
Ленка».

Он самый, товарищ майор!... Июньским утром после ожесточенной бомбардировки и артиллерийского обстрела горнострелковый корпус «Норвегия» перешел в наступление на Мурманском направлении, прорвался к прибрежному поселку Титовка и отрезал от материка небольшой гарнизон Среднего и Рыбачьего полуостровов. Третьего июля началось многодневное ожесточенное сражение за Рыбачий — ключ к Кольскому заливу и Мурманску.

Генерал Дятл, командующий горнострелковым корпусом «Норвегия», докладывал Гитле-

ру, что не больше чем через неделю сопротивление русских будет сломлено. Офицерам были розданы приглашения на торжество по случаю победы. Дятл собрался лично въехать в Мурманск на белом коне...

Но как это не раз случилось, фашисты поторопились. Их войска, натолкнувшись на мужественное сопротивление Красной Армии, несли огромные потери. Неоднократно переходила из рук в руки гранитная высота Муста-Тунтури. И гитлеровцы подтягивали все новые резервы из Петсамо и Киркенеса — готовились к последнему броску на полуостров Средний.

В тот момент и родилась идея: выдвинуть наблюдательный пункт на одну из сопок, чтобы скорректировать наш огонь по противнику. Для выполнения этого задания выбрал на лейтенанта Лоскутова.

Вместе с Лоскутовым в рейде были двое рядовых — Григорий Механович и Георгий Макаров. Трое суток держались они на своем посту, постоянно корректируя огонь нашей артиллерии. Немцы обнаружили их. Цепью окружив сопку, фашистские егеря готовились к атаке. Патронов почти не оставалось, и наши разведчики приняли последнее решение — вызвать огонь на себя...

Когда в полдень следующего дня все трое добрались до КП полка, радости и удивления товарищей не было предела.

Пожалуй, просто необходимо хотя бы кратко сказать и еще об одном человеке, которому в тот момент, может быть, было тяжелее всех. Руководил огнем майор Рыклис (прототип майора Деева). Когда была получена последняя корректировка Лоскутова («Огонь на меня!», Ефим Самоснович колебался, ведь там — сын его друга. Но другого выхода не было...

НА «ГРАНИТНОМ линкоре» (так называли Рыбачий) Симонов старался увидеть как можно больше — был у пограничников, саперов, моряков, артиллеристов. Много расспрашивал. Позже он говорил, что именно здесь складывались образы его будущей трилогии «Живые и мертвые».

Уже перед самым отъездом Константин Михайлович познакомился с Рыклисом. Отличный рассказчик, Ефим Самоснович поведал корреспонденту удивительную историю о полноте сына своего друга. Симонов слушал внимательно, а потом восхищенно воскликнул:

— Это же необыкновенный факт! Что же мне раньше никто об этом не рассказывал!

Последний в навигацию транспорт из Мурманска — лесовоз «Спартак» — привез Симонова в Архангельск. В ожидании самолета на Москву прошло двое суток. Вечер и весь следующий день он писал поэму «Сын артиллериста»...

Откуда появились в ней вымышленные имена, почему поэт изменил их? Сам Симонов писал об этом так:

«Когда в последний день на полуострове Среднем Рыклис рассказывал нам эту историю, мне то ли не с руки было спрашивать имя и фамилию хитрого в тыл и немцам лейтенанта, то ли я просто забыл это спросить. Так появилось в поэме вымышленное имя — Ленки. А рядом с ним фамилия Деева и Петрова, тоже вымышленные и удобно укладываемые в стихотворный размер».

...1966 год. Москва. В окно остановившегося поезда Иван Алексеевич Лоскутов увидел молодых парней, бегающих по перрону с кинокамерой. Но удивлению и смущению его не было границ, когда вдруг выяснилось, что вся эта суета поднята из-за него.

Студийная машина неслась по шумным июньским улицам Москвы. Прямо к вокзала — к

Симонову. Встреча, по замыслу кинохроникеров, должна была произойти обязательно на улице — в квартире, мол, мало места да и темновато. Симонов спустился во двор...

Когда съемка закончилась, погасли бившие в глаза лампы, ушли, смотав шнуры, работники кино, завязалась беседа. Спрашивал больше Симонов. Его многое интересовало: как довоевал и как жил все эти годы?

Иван Алексеевич рассказал, что в 104-м прослужил до конца войны. Полк в 1944 году был награжден орденом Красного Знамени, и ему было присвоено наименование Печенгский. В 1945-м сражался вместе с полком против милитаристской Японии, высаживался в портах Кореи. С 1947 года служил на Тихоокеанском флоте. Женится, теперь живет во Владивостоке. У него двое детей — Наташа и Евгений.

Потом вспомнили былые времена, общих знакомых... За часом незаметно пролетели три часа...

Когда Иван Алексеевич собрался уж было совсем уходить, Симонов вдруг хлопнул себя по лбу и, поймав что-то в шкафу, достал старую газету.

Это был номер «Красной звезды» за 7 декабря 1941 года. В нем впервые была напечатана поэма «Сын артиллериста». Иван Алексеевич долго не решался, но наконец попросил:

— Константин Михайлович, подарите мне его, пожалуйста, на память.

— У меня только один экземпляр остался... А знаете, что... секундочку подождите.

Симонов ушел в другую комнату, но тут же вернулся. В руках у него была новая книга стихов. На первой странице он тут же подписал: «Ивану Алексеевичу Лоскутову в день личного знакомства. С двадцатипятилетием заочной дружбы. Ваш Константин Симонов. 4.VI.66».

МЫ СИДИМ с Иваном Алексеевичем Лоскутовым в сквере на улице Кирова, прямо напротив его дома. Он вспомнил, как в 1968 году его пригласили к себе комсомольцы города Заполярный.

— Подаялся я на ту самую сопку, вокруг посмотрел, и вспомнилось мне все ясно-ясно. Как будто вот только вчера отстреливался здесь. И место, где прятались от снарядов, нашел. И даже валуны, с которых по утрам слизывали росу — воды-то у нас не было...

— Иван Алексеевич, а знали вы раньше, до 1965 года, что о вас написана поэма?

— Знал ли? — улыбнулся Лоскутов. — Знал, конечно. В декабре сорок первого я узнал. Как газету получили... весь полк читал...

— И молчали? Почему? Ведь вас долго искали пионеры.

— Молчал... Да неудобно как-то. Вот, мол, я какой... Такие операции, как наша, на войне каждый день проводили.

— Иван Алексеевич, а что стало с двумя солдатами, которые ходили с вами в рейд? Живы ли?

— Живы! В Тамбове работает юристом полковник запаса Георгий Ксенофонтович Макаров. А Григорий Фокеевич Механович живет, как и до войны, в селе Сепыч Пермской области, работает учителем.

Лоскутов с увлечением рассказывает о своих боевых товарищах, об их судьбе... И хотя сейчас Иван Алексеевич не носит полковничьих погон, но его выправка, твердый, уверенный шаг выдают в нем кадрового военного. Дети его давно уж выросли, появились внуки, которых он очень любит...

Н. САВИН

Владивосток.